

Лейкин Николай Александрович

АРХИВ

ЮМОРИСТ, ОТКРЫВШИЙ ЧЕХОВА

В декабре прошлого года исполнилось 150 лет со дня рождения популярнейшего писателя своего времени — Николая Александровича Лейкина. За свою творческую жизнь им написано и вышло отдельными книгами 36 повестей и романов, 1044 рассказов, зарисовок, очерков и сценки, 11 пьес, не считая рассказов и очерков, по тем или иным причинам не вошедших в сборники. По данным исследователя Глинского Б. Б., современника Лейкина, им было написано 10 тыс. произведений разного жанра.

Родился Николай Александрович в старинной купеческой семье, в среде умеренности, аккуратности и мещанских добродетелей. Отец, содержащий торговлю, как-то незаметно разорился и в последующие годы работал приказчиком у немца. Братья отца тоже занимались торговлей и много Коленьку, получившего по нашим меркам среднее образование, взял под свое покровительство дядя Вася, определив мерить штучки холста и считать головки сахара.

Коля был мечтательным юношей, страстно любившим литературу и, часто манкируя своими обязанностями, тут же, на порожних мешках, писал стихи. К удивлению и безмерному счастью Коленьки стихи его понравились в редакции журнала «Русский мир» и были опубликованы, когда поэту отроду было 19 лет.

Последующие четыре года-годы

интенсивного труда и поиска жанра. Он пишет сценки и зарисовки из жизни людей его окружающих, т. е. купцов, ремесленников, трактирщиков. Довольно интенсивно печатает их, чем вызывает недовольствие своего хозяина. В 1864 г. Некрасов в «Современнике» опубликовал рассказ Лейкина «Биржевые артельщики». Публикация рассказа явилась той поворотной вехой, когда Коля принял окончательное решение расстаться с торговлей и целиком посвятить себя литературе. Решение это вызвало переполох в семье. В понятие домочадцев не укладывалась мысль, что занятие литературой — это труд «Щелкоперство» среди купечества считалось занятием недостойным, несерьезным, а сами писатели чужаками, не от мира сего. Николай Александрович вспоминает случай, как после публикации в «Современнике» к нему домой пришел Салтыков-Щедрин с предложением сотрудничать в этом журнале. После ухода Щедрина отец заинтересовался: кто этот господин? «О! Это великий писатель нашего времени! — воскликнул Коля. — Знаменитый Салтыков-Щедрин!» «Кабы знаменитый был, — пробурчал отец, — к тебе, поди, не пришел».

Николай Александрович Лейкин уверенно входит в литературу. Общение с Некрасовым, Щедриным, Успенским, Помяловским оттачивает его литературный талант, делает его более взыскательным к своим

творениям. Как уже говорилось, работоспособности он был чрезвычайной. Одновременно он мог писать повесть, роман, обдумывать пьесу и выдавать, выдавать рассказы, которые расхватавались и публиковались на ура многочисленными журналами и газетам, имеющими раздолье юмора. Здесь «Петербургский вестник» и «Северный пчела», «Иллюстрированный листок» и «Заноза», «Искра» и «Библиотека для чтения». В 1870 году в «Петербургском листе» выходит его первая повесть «Кусок хлеба», а в 1871 году роман «Христова невеста». Популярность Лейкина растет с каждым днем. И не только сословие купцов и мещан были потребителями его таланта, Лейкина читали и цитировали все слои тогдашнего общества.

В марте 1883 года Антон Павлович Чехов писал Лейкину: «...Еще об одном: пришлите мне для моей библиотеки единую из Ваших книжек. Какую именно, не знаю. Жил во время оно в провинции и был одним из ревностнейших Ваших читателей».

Особое свойство таланта Николая Александровича, всегда серьезного и по натуре даже мрачноватого, преподносит суровую жизненную правду с добродушием и лукавой улыбкой.

Из темных подворен и сырых подвалов, из трактиров и мелких лавочек несется искрящийся смех над курьезами людских взаимоотноше-

ний, их мелкими страстями, приземленными желаниями.

В 1881 году Николай Александрович основывает журнал «Осколки». К этому времени достаточно богатый, преуспевающий литератор формирует вокруг себя молодых поэтов, прозаиков и очень скоро журнал приобретает популярность не только в Петербурге, но и во всей России.

В 1882 году произошло знакомство Николая Александровича с юным Антошей Чехонте. В своем дневнике Лейкин писал: «...И как писателя Чехова — я отыскал. У меня в «Осколках» и начал он свою деятельность».

А Чехов, подарив книгу своих рассказов Николаю Александровичу, препроводил подарок такой надписью: «Моему литературному крестному батюшке». И, действительно, обращаясь к письмам восьмидесятих годов, которыми обменивались издатель Лейкин и автор Чехов, видишь какими крепкими узами личного и творческого порядка они были связаны. Лейкин очень любил Чехова. Относился к нему по-отечески, с большой теплотой, помогал талантливому юноше встать на ноги.

Наряду с литературной деятельностью Николаю Александровичу, как у нас принято говорить, занимался и большой общественной работой. Он состоял гласным С-Петербургской Думы, почетителем школ и приютов, Земским гласным, почетным мировым судьей. Умер Николай

Александрович в январе 1906 года.

В чем же все-таки причина почти полного забвения писателя, который при жизни пользовался такой большой популярностью? Ответ лежит на поверхности. Высмеивая язык и нравы улицы, Лейкин никогда не затрагивал социального пласта. Не пытался вскрыть причины и корни раболепства, жизненной неустроенности низов городского люда. Живые бытовые сценки, искрящиеся добродушным юмором, вызвали у читателей минутную улыбку, смех, но не заставляли заглянуть внутрь события, задуматься над его сущностью. И хотя в своих многочисленных письмах авторам он часто жалуется на бесчинства цензуры, но по существу ничего острого, критического на страницах «Осколков» не появилось. Ведь недаром зрелый Чехов перестает сотрудничать с Лейкиным. Тонкий психолог, мастер подтекста свои лучшие рассказы большой социальной силы «Палата № 6», «Человек в футляре», «Враге» и др. печатает в иных изданиях, понимая, что направленность «Осколков» — смеяться.

И тем не менее, наследие в 14 томов, пылящихся на полках Ленинской библиотеки, давно пора отряхнуть от пыли, пересмотреть, и, выбрав наиболее достойное, представить читателям.

Предлагаем вниманию рассказ Лейкина.

Владимир КАПИАНДИЗЕ

Лит. новости. - 1992. - окт. (№ 14) - с. 10

Н. А. Лейкин
НАЕМ ЛАКЕЯ

Купец Рублевкин разбогател, приснастился каким-то «современнатылем» при приюте и решил жить на широкую ногу, «что-господски». В его зале появились два рояля, в углах гостиной — статуи, стены покрылись картинами в широчайших золотых рамах и у окна был поставлен аквариум «со всякой змеиной мерзостью». Прежде в комнатах прислуживала только женская прислуга да мальчишки из собственного лабаза, а теперь решено было нанять лакея. Лакей явился наниматься. Купец принял его в столовой. Тут же сидела и жена его.

— Прежде всего: имя твое? — спросил купец, осматривая лакея с ног до головы.

— Антиподист, — отвечал лакей.

— Ох, какое имя-то! Вот господца с такими именами лакеев не берут. У них Иван или Федор.

— Помилуйте, имя тут не причем. Мы у графов с таким именем живали. А я так себя считаю, что даже с дворецким могу быть вровень.

— Куда тебе во дворецкого! Рылом не вышел! Дворецкие завсегда такой в себе вид содержат, чтобы на подобие собачьей образины из мордашек. Опять же брюхо мало и в плечах жидковат. А я себе вот такого-то и ищу, чтобы важность была.

— Брюхо тут не причем-с. Оно и было у меня, да я его в больнице потерял. Судите сами: целый

месяц на овсянке вылежал. А теперь на купеческих хороших хлебах я его живо наем. Опять же, ежели пару пива в день припустить...

— Ну, а физиономия?

— И на физиономию вы теперь не смотрите. Долго-ли щеки нагулять? Мне ежели длинные бакены остричь и чинничью колбаску на скулах сформировать, то я совсем мордашка. Все дело в том, какое выпучение глаз делать; ну а мы уж это туго знаем. На даче летом изволите жить?

— Живем.

— Ну, и отлично-с. Вы только посмотрите тогда, как я буду во фраке и белом галстуке за воротами стоять — от посланнического лакея не отличите. Ногу вперед, а голову кверху... Все дело в сноровке.

— Постой, постой... А голос? Мы так трафим — как в господских домах.

— Голос у меня, что твоя труба. Дозвольте сейчас крикнуть карету графа Трусова!

— Зачем-же чужое имя? А ты рывки так: «карету Рублевкина! Семен, подавай!»

— Карету Рублевкина! Семен, подавай! — кричал лакей.

— Ох, ох, оглушил совсем! — замотала головой купчиха.

На крик прибежала горничная и остановилась в недоумении.

— Ну, чего, дура, глаза выпучила? — сказал купец. — Пошла вон! Нешто ты Семен?

— Кучера Семена прикажете позвать?

— Пошла, говорю, вон! Голос ничего, — обратился купец снова к лакею. — Одно вот только: на счет телесного сложения меня суждение берет.

— На счет телесного сложения будьте покойны. Оно будет к лету. Купеческие хлеба не господские.

— Ну, то-то. Ведь лакей — не кучер. Емватную поддевку под фрак не наденешь, подушку в брюхо не сунешь. Ты толком попробуй есть. Ежели будешь замечать, что полнеешь — ливрею тебе с запасом сошью, а нет, так уж не прогневайся: в шею.

— Заслужим-с. Супругу вашу сопровождать будем в лучшем виде. Мы к этому склонны.

— Да куда меня сопроводить-то? Я только в баню... а то сидьма дома сижу, — вставила слово купчиха. — Вот разве ко всенощной...

— Мавра Потаповна, не возражай, коли умного говорить не можешь, — остановил ее муж. — Ну, а как же цена? Сколько тебе жалованья? — спросил он лакея.

— Керосин и свечи сами будете закупать? — задал тот в свою очередь вопрос.

— Это, брат, я завсегда сам закупую.

— Часто ли у вас картежная игра бывает?

Купец покосился.

— Ты думаешь насчет драки? Нет, у нас насчет этого благо-

родно, разнимать не придется, — сказал он. — У нас дом обстоятельный. Постукают по три рубля да и разойдутся мирно.

— Нет, я не к тому-с. А что лакею от карт барыш, ежели по два рубля карты поставяльть.

— За карты я себе на икру да на сига удерживаю.

— Себе? Помилуйте, да это конфуз. Вот уж в господских домах этого не делают.

— Не рассуждай, братец. Этого я не люблю. Ну, да уж так и быть: будешь тело нагуливать, так я тебе за твое старание и карточный доход отдам. А в карты у нас играют каждую неделю.

Лакей задумался.

— Коли ежели без керосину и без свечей, то двадцать рублей в месяц и горячее отсыпное.

— Фю-фю! — просивистел купец. — Тяжело поднимаешь, авось домой не донесешь. Я думал рубликов десять или двенадцать. У меня в лабазе молодцы по двадцати рублей получают.

— Молодцы нам не указ-с. Они без образования, а мы всякую деликатность знаем. Теперича увас салфетка на тарелку блином кладется, а мы из нее сейчас конверт сделаем или пирамиду с рогами. Сортировка гостей тоже нам известна. Опять же и насчет просителей: кого принять, кого в шею. — Это мы тоже знаем. Я вам, сударь, такую методику заведу, что домто на графскую ногу поставлю.

— Ой?! А не врешь?

— Да уж будьте покойны. И супруге вашей расскажу, как с собой графини поступают. Пушай собачку заведут — совсем иная ступня у них будет. Какое вино после какой еды пить — это нам тоже известно.

— Ну, так вот что, Антиподист: ты за пятнадцать рублей на графский фасон заводку-то мне сделай. А что насчет горячего — у нас чаем хоть обливайся.

— Обидно, сударь, коли кто в графском доме за двадцать жывал, — с купеческого пятнадцать взять. Вы уж двадцать-то рублей положьте. Ну, что вам пять целковых? На куль овса полтину накинул — десять кулей и пять целковых. А уж довольны останетесь. Мы и вас-то графом соорудим.

— Ну, ладно. Только с молодцами не якшаться, вина им не приносить, горничную не трогать.

— Что нам ваши молодцы — помилуйте! У нас графский управляющий кум, а насчет горничной, нам женский пол — хоть бы его и век не было. Когда переезжать прикажете?

— Постой. Не можешь-ли ты Иваном или Федором зваться? Нам Иваны как-то больше ко двору приходятся.

— Сделайте одолжение. Тут разницы не состоит.

— Ну, так будь ты Иван и переезжай к нам во вторник, в легкий день, — закончил купец. Лакей поклонился.